

Ангелу
 Кайф
 Летит почтой
 На мази все
 Облакам плотным
 Дыры пошлы
 Все из небес
 Хоть провались

Кучкой воскресли

Иск колдовства ист
 Осеним ручкой
 Лист
 Испishi
 Лучше

На рутине, оборачивающейся «горними далями»:

<...>
 ...обезжирить наличие
 Царства земного
 С желанием вечного
 Царства
 Музыка
 Взмаха
 Детали
 Фиксации слов на

В трубочине изжали
 пу ха
 пера ли

Анна Сухобок

Просвещенный консерватор

Сергей Аверинцев. Слово Божие и слово человеческое. Римские речи / Сост. Пьерлука Адзаро. — М.: Никея, 2023.

Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) знаменит как выдающийся теоретик культуры, переводчик, мыслитель, публичный интеллеktуал второй половины XX века, для которого подлинная наука никогда не вступала в конфликт с верой в Бога, но освещалась и укреплялась последней. Поэт и метафизик Евгений Головин, мировоззрение которого было подчеркнуто антихристианским, в отличие от Аверинцева (в этом смысле они оба представляют как бы два разных полюса метафизической интеллектуальной жизни в позднем СССР), также отдавал должное удивительной пронизательности автора «Поэтики ранневизантийской литературы», попросту называя его *мудрецом*.

Значительность того, что делал Аверинцев, сейчас общепризнанна, но при этом слишком большим искушением оказалось для многих желание вписать уникального ученого в удобный формат. В этом смысле весьма показательным предисловие к книге Д.К. Адзаро, в котором смакуется то, как высоко Аверинцева оценивали влиятельные церковные иерархи, светские бюрократы и парламентарии, а сама его деятельность подана через призму активности разных ассоциаций, комитетов и подкомиссий, вырабатывающих «проекты» и «манифесты».

Сам Аверинцев прекрасно понимал, насколько важно для честного исследователя культуры держать дистанцию от власти и любого официоза. В выступлении «Россия и европейское христианство» он недаром цитирует слова Пушкина, которому «было наиболее важно, что как квинтист Фенелон в католической атмосфере Франции, так и Сильвио Пеллико в Италии никогда не являлись представителями государственной власти: в России к такому положению всегда внимательно прислушивались».

Гораздо интереснее и точнее предисловия послесловие Ольги Седаковой, в котором она пишет об авторе как о «средиземноморском почвеннике» и «просвещенном консерваторе», отдавая должное его философским и богословским трудам как его личному опыту, а не как полезному инструменту для продвижения интересов тех или иных организаций. Седакова справедливо обращает внимание на то, что Аверинцев считал гораздо более страшным для христианства не прямые гонения на Церковь, а «внутреннюю подмену веры».

В статье «Солидарность во имя опального Бога» Аверинцев с печалью описывает подмену, произошедшую в умах его сограждан после крушения атеистической системы: «Один российский генерал, весьма активно действующий в политике, сказал недавно: “Конечно же, я сам атеист; однако политическое будущее России неразрывно связано с православием”. И прибавил: “Мы — русские, с нами Бог!” Это “с нами Бог” атеиста явно имеет больше общего с псевдоблагочестивой фразеологией Третьего рейха, чем с библейским речением “Immanuel” (“С нами Бог”)).»

Ученый указывает на то, что главное разделение в мире проходит между «теми, которые придают своей вере истинно первостепенное значение и, следовательно, стараются жить по ней, и теми, которые хотели бы сделать из своей религии инструментальную и манипулятивную идеологию для тактического употребления — например, в качестве национального символа».

Просвещенный консерватор, Аверинцев выступает за соблюдение (!) религиозных традиций и их сохранение от любого политического использования какими угодно силами и идеологиями. Даже его критика современного либерализма сводится к тому, что на самом деле многие либералы недостаточно или совсем не либеральны, поскольку они зачастую требуют запретить одно и насильно навязать другое, что нередко оказывается несовместимо с мировоззрением представителей самых разных религий. «Мы должны возродить традицию так называемой “критики культуры”, того, что по-немецки называется *Kulturkritik*. Иначе получается, что каждому, кто имеет голос в современном мире, предложено либо отказываться от какой бы то ни было общей критики современного “прогресса”, заниматься его рекламой, либо становиться в ряды так называемых “традиционалистов” в специфическом смысле и попросту проклинать современность — *tertium non datur* [третьего не дано — лат.]», — констатирует академик.

Большую часть сборника составляют статьи, посвященные мудрости в разных ее аспектах, причем Аверинцев обращает внимание на то, что и София Премудрость Божия, и ее темный двойник (Великая блудница) внешне изображаются похожим образом: обе призывают к людям, но одна привлекает тех разумных, кто тянется к Богу, а другая зазывает глупцов, обращенных ко злу. Эта мысль об извечной амбивалентности любого символа прекрасно дополняется обращением автора к Книге пророка Исайи, в которой Князем мира сего назван Бог (Ис 9:6).

В работах Аверинцева не содержатся простые ответы на научные и жизненные вопросы. Сам стиль письма ученого не рассчитан на массовую аудиторию, поскольку изобилует специальными терминами. При этом верный ученик Димитрия Ростовского и Вячеслава Иванова все время указывает на исключительную значимость нюансов и оговорок, от которых все чаще призывают отказаться в современном мире. Для Аверинцева Лев Толстой – «еретик», но при этом без него он «не может представить себе Европу», потому что и формальный еретик способен приблизить человека к правде и мудрости.

Особенно показателен рассказ автора о метаморфозах, произошедших с православным богословом Сергием Булгаковым под впечатлением от «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. Булгаков признавался, что его первая встреча с этой картиной в

Дрезденской галереи дала ему мощнейший толчок для возвращения к вере и Церкви, однако, после того как он принял священнический сан, оказался в эмиграции и снова оказался перед некогда любимой картиной, он отметил с горечью, что «некоторые ее черты несовместимы с аскетическим подвигом». И все же когда Булгаков попытался было совсем изгнать *недостаточно правильную* «Сикстинскую Мадонну» из своего сердца, оно закровоточило.

Эта история как нельзя лучше иллюстрирует мысль Аверинцева о том, что «Бог хочет и требует от нас единства, но Он не хочет от нас однообразия».

Николай Подосокорский

ВЫСТАВКА

Музейные экспозиции в немuseumном пространстве: история литературы и современные практики

Механизмы сохранения культурной памяти внутри музейного пространства во многом поддерживаются самим образом и статусом музея как статичного «храма истории», правила поведения в котором четко определены, как и в храме настоящем. Образ музея вызывает у посетителей уважение и трепет, и вместе с тем многие музеи — это территория прошлого, не принимающая современности и фактически занимающаяся консервацией дискурса. Однако не всегда экспозиции и иные музейные формы находятся в пространстве музея, а значит, особенности их воздействия на посетителя меняются: появляется иммерсивность и наглядность, архивный объект становится частью меняющейся реальности. Мое маленькое исследование фокусируется на целях и задачах размещения экспозиций из архивов музея в немuseumном пространстве и пытается ответить на вопрос, целесообразны ли такие решения относительно других практик современности.

Литературный процесс, в силу технических и бюрократических причин, знает много примеров «недооформленных музеев». Взять хотя бы редакцию журнала «Вопросы литературы» с ее историческими комнатами, в которых снимались фильмы, и с экспозициями — как постоянными, так и временными: например, посвященными Юрию Домбровскому. Однако сейчас меня интересуют объекты атрибутированные и музеефицированные (оформленные «по правилам»), поэтому остановимся на другом примере.

Мое внимание привлек совместный проект Государственного музея истории литературы им. В.И. Даля и Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР): музейные стенды на территории Дома Ростовых. Они наполняются материалами из архивов, а экспозиции — временные и приурочены к юбилейным вечерам поэтов и писателей, которые проводит АСПИР. Стенды — полноценная музейная форма: за их наполнение и атрибуцию отвечает Гослитмузей, а Ассоциация только задает тему экспозиции. Таким образом, музейный объект находится в презентационном пространстве, основная форма культурной деятельности внутри которого — организация литературных мероприятий, презентация книг и проведение творческих встреч. Такой синтез исторического материала и актуальной современности характерен для всей деятельности Ассоциации, которая располагается на месте бывшего правления Союза писателей СССР и реализует аналогичные функции: организует выездные семинары, литературные резиденции и творческие командировки, издает книги, поддерживает переводы на языки народов России и т.д. Создавая пространство литературной современности, АСПИР не свободна от груза исторической памяти и, буквально, от памяти стен. Сейчас Дом Ростовых активно ремонтируется, однако многие помещения второго этажа сохраняют советское убранство — от лепнины и статуй в холле до овального дубового совещательного стола примерно на тридцать персон в бывшей приемной председателя СП СССР. Рядом с декоративными колоннами холла уже, однако, поставили кофемашину. Также пространство наполнилось